

Владимир Синеоков

**Казачество и его
государственное значение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В57

В57 **Владимир Синеоков**
Казачество и его государственное значение / Владимир Синеоков – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 50 с.

ISBN 978-5-458-41914-7

ISBN 978-5-458-41914-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга г-на Синеокова появляется весьма ко времени и къ мѣсту.

Прошло восемь лѣтъ съ того рокового дня, когда казаки покинули Россію, оторвались отъ своихъ станицъ; восемь лѣтъ они живутъ въ изгнаніи, въ эмиграціи, лишенные корней, связывавшихъ ихъ съ казачьей землей. У однихъ многое изъ того, что составляетъ бытъ казачій, позабылось, другіе, просто, этого не знаютъ, ибо уѣхали слишкомъ молодыми. Осталась: — пѣсня казачья, казачьи хоры. — Нарождавшіеся и умиравшіе, и вновь нарождавшіеся за границей казачьи газеты и журналы въ значительной своей части преслѣдовали не цѣли исторической правды, но узкія партійныя цѣли, говорили о казакѣ съ точки нужной имъ политики.

Дома, на Родинѣ, казака политикой не смущай. Дома, изъ каждаго угла старой хаты, изъ повадки всей семьи, отъ сѣдой бороды дѣда, отъ его стараго чекменя, увѣшаннаго крестами за Плевну и Шипку, за Хиву и за Ляоянъ, изъ каждаго закута его куреня вѣетъ здоровымъ бытомъ, говоритъ сама исторія. Тамъ все понятно и все ясно.

Дома — рассказы и пѣсни стариковъ. Дома старыя книги, исторія Войска, старыя газеты и журналы, архивныя дѣла. Справка точная, авторитетная и вѣрная. Дома разрушителей казачьяго благосостоянія, потрясавшихъ войскомъ и Москвою въ герои не запишешь. Тамъ сквозь ихъ «подвиги» проступаетъ кровь невинныхъ жертвъ, и видно зарево пожаровъ родныхъ станицъ. Дома ясно: — герои тѣ, кто созидаетъ, и разбойники, достойные анаемы — тѣ, кто разрушаетъ.

За границей все это стерлось, отшлифовалось временемъ и невѣжествомъ. Партійная обработка создаетъ героизмъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, изъ разрушителя дѣлаетъ героя.

Книга г-на Синеокова поможетъ казаку и не казаку разобраться въ самой сущности казачьяго бытія. Конечно, это не исторія. Въ маленькой брошюрѣ нельзя рассказать всѣ подвиги и славу не только одиннадцати существующихъ войскъ, но и войскъ, которыя были и естественною смертію погибли, или, слившись съ другими казачьими войсками, или, растворившись въ Русскомъ населеніи. Но книга г-на Синеокова указываетъ причины образованія казачьихъ войскъ по окраинамъ Русской земли, описываетъ поступательные движеніе казаковъ вплоть до естественныхъ рубежей Русской земли и ихъ культурную роль въ

строительство Государства Россійскаго. Она, извлекая отвѣтъ изъ болѣе чѣмъ пятисотлѣтняго существованія казаковъ въ Россіи, говоритъ о возможномъ ихъ будущемъ, отъ нихъ самихъ зависящемъ.

Въ рукахъ казака эта книга пробудитъ здоровыя мысли о великомъ прошломъ казаковъ и ихъ жертвенномъ служеніи Руси, Москвѣ и Россіи. Она заставитъ его призадуматься надъ этимъ прошлымъ и сознать свою роль, свое мѣсто въ предстоящемъ строительствѣ разрушенной коммунистами Россіи.

Я привѣтствую этотъ трудъ молодого автора и желаю ему самаго широкаго распространенія среди казаковъ. Я привѣтствую этотъ трудъ и желаю, чтобы не казаки «Русскіе» ознакомились съ нимъ и узнали бы изъ него, что разница между казакомъ и Русскимъ лишь въ томъ, что казакъ всегда активно боролся за Русскіе интересы и старался сохранить свой Русскій бытъ въ полной его неприкосновенности: — отъ старой вѣры дѣдовъ и отцовъ, отъ ихъ пѣсни и домашняго обычая, до прически, внѣшняго облика, костюма, походки, всего того, отъ чего такъ славно пахнетъ святою Русью. Эта книга поможетъ разобраться во многихъ вопросахъ, которыхъ раньше не было, ибо все дома было ясно, и которые здѣсь на чужбнѣ вызываютъ крѣпкіе споры, раскалываютъ и разлагаютъ прочную семью казаковъ, вносятъ распрю въ несчастной средѣ изгнанниковъ изъ родной земли.

Привѣтъ этой книгѣ и ея автору. По казачьи искренно и радостно говорю ей мое напутственное короткое слово: —

— Счастливо!

П. КРАСНОВЪ.

Глава I.

До великой нашей Смуты въ Россіи какъ то мало занимались вопросомъ о казачествѣ. Существовало оно съ незапамятныхъ временъ, слилось съ государствомъ, жило гдѣ-то тамъ далеко на окраинахъ. А что казаки изъ себя представляютъ, откуда взялись, какое ихъ было историческое значеніе, — объ этомъ какъ-то не задумывались. Для военныхъ это были четвертые полки, въ столицахъ о нихъ знали по конвою и джигитовкѣ, а для общества это было нѣчто ужасное, что-то вродѣ разбойниковъ, оплотъ ненавистнаго царизма, плетью разгонявшихъ студенческія сходки. А социалисты шли дальше. Такъ «Народный Вѣстникъ» писалъ: «слово казакъ стало синонимомъ грубости, наглости, жестокости, звѣрства... когда наши народные представители получаютъ власть, то казачій вопросъ будетъ однимъ изъ первыхъ, которымъ они займутся и рарѣшатъ его въ смыслѣ уничтоженія этой военной касты, являющейся покорнымъ орудіемъ... въ рукахъ правящаго класса... прямо-таки преступно поддерживать мнѣніе, что казачество является чѣмъ-то особеннымъ, чего нельзя касаться». Къ этому они и приступили съ образованіемъ Временнаго Правительства, и что стараются закончить большевики.

Въ бѣженствѣ же, гдѣ происходитъ переоцѣнка цѣнностей, гдѣ силятся разобраться въ прошломъ, провѣрить настоящее и заглянуть въ будущее— казачіимъ вопросомъ занялись больше, но мнѣнія, какъ водится, разбились, равно какъ и взгляды на возможное значеніе казачества въ возстановленіи Россіи. Нѣкоторые ему не придаютъ никакого значенія, другіе же дѣлаютъ на него ставку просто, какъ на живую силу, желая использовать его въ своихъ цѣляхъ. Но ни тѣ, ни другіе вопроса о казачествѣ во всей его обширности и глубинѣ не исчерпываютъ.

Поэтому, при переоцѣнкѣ всѣхъ русскихъ цѣнностей, будетъ въ порядкѣ вещей подвести итогъ прошлому казачеству и попытаться показать, какую цѣнность для будущей Россіи оно можетъ представить. Для этого вполне достаточно разобрать четыре положенія:

I Что такое казачество?

II Его происхожденіе, т. е. есть ли это вполне самостоятельныя общины, образовавшіяся на пустынныхъ степяхъ независимо отъ общей жизни государства, или даже отдѣльныя народности, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ самостійниковъ, или же это выдвинутыя впередъ заставы сперва вольно, стихійно, а впоследствии руководимыя государствомъ?

III Какое значеніе имѣло казачество въ жизни государства: какъ застава по границѣ, съ одной стороны, а съ другой, во многовѣ-

ковой борьбѣ государства съ Западомъ и Востокомъ за свое существованіе.

IV Какое значеніе казачество можетъ и должно имѣть въ будущемъ въ борьбѣ за возрожденіе государства и установленіе въ немъ порядка и закона?

Болѣе или менѣе удачное разрѣшеніе этой задачи выяснитъ сущность казачества и его значеніе въ жизни Россіи.

Слово «казакъ» — татарскаго происхожденія. Въ русскомъ обиходѣ оно появилось съ XVI-го вѣка и означало человѣка вольнаго, независимаго, не знающаго надъ собой никакой власти. Но это не значитъ, что и само казачество по своему существу появилось тоже въ XVI-омъ вѣкѣ. Равно какъ и названіе Ильи Муромца «матерымъ» казакомъ не означаетъ, что Илья Муромецъ, личность историческая, жилъ въ XVI-омъ вѣкѣ или позднѣе. Но это даетъ намъ поводъ думать, что въ сознаніи народномъ Илья Муромецъ по существу былъ тѣмъ же казакомъ. Но происхожденіе казачества такъ же темно, какъ и происхожденіе самой Руси.

По этому поводу французскій историкъ Леруа-Болье, прожившій въ Россіи 10 лѣтъ съ цѣлью ея изученія, говоритъ: «Славяне не завоевали Россіи — это было долгое и медленное мирное вселеніе, длившееся вѣками, которое почти не было замѣчено современными лѣтописцами, и о которомъ исторія только догадывается, не имѣя возможности отмѣтить постепенныя видоизмѣненія его».

И говорить о зарожденіи казачества это значитъ говорить о зарожденіи Руси, такъ какъ его жизнь всецѣло связана съ жизнью государства на протяженіи всей нашей исторіи.

Но казачество свойственно не только Россіи. Правда, особыя географическія условія нашей страны (обширность пространства, отсутствіе установленныхъ границъ на югѣ на всемъ протяженіи исторіи, а на нѣкоторыхъ окраинахъ почти до XX-го вѣка, и въ силу борьбы съ кочевниками особо сложившаяся жизнь государства) — способствовали развитію казачества въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Россіи.

Еще въ первые вѣка Византійской Имперіи имѣлся родъ казачества на восточныхъ границахъ этого государства. По приграничной полосѣ въ Малой Азій устраивались военныя поселенія изъ охотниковъ; имъ нарѣзывалась земля, которую они должны были воздѣлывать, не платя податей, а взамѣнъ отражать набѣги двигавшіеся на Западъ кочевниковъ.

Такое же казачество находимъ мы въ Венгріи по юго-восточнымъ ея границамъ, состоявшее изъ переселенныхъ туда славянъ во времена долгой и упорной борьбы съ турками. Съ прекращеніемъ набѣговъ и закрѣпленіемъ границъ казачество перешло въ мирное поселеніе.

Такими же казаками были первые поселенцы въ заокеанскихъ владѣніяхъ, куда еще не простиралась государственная власть. Возьмемъ для примѣра зарожденіе такого государства, какъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Первые поселенцы выѣхали туда изъ Англій въ 1609 году, снаряженные одной торговой компаніей, какъ тридцатью годами ранѣе братья Строгоновы снарядили Ермака Тимофеевича. Это тоже были вольные люди. Ихъ вожакъ Джонъ Смитъ воевалъ противъ турокъ, попалъ въ плѣнъ, затѣмъ бѣжалъ оттуда на Русь. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ и казаковалъ на Русь.

Эти вольные люди, въ составѣ нѣсколькихъ десятокъ человѣкъ, поселились въ Каролинѣ. Два года спустя ихъ было уже пятьсотъ. Черезъ одиннадцать лѣтъ еще къ нимъ высадилась сотня преслѣдуемыхъ голандцевъ-протестантовъ. Они образовали военное поселеніе самостоятельно, независимо ни отъ какого государства. Черезъ нѣсколько лѣтъ имъ доставили изъ Англій женъ за 120 фунтовъ табаку. Колонія, или войско росло быстро. Имѣя точку опоры, англійское государство шагнуло за Океанъ и присоединило къ себѣ колонію. Но условія жизни не способствовали развитію казачества. Въ Россіи же болѣе, чѣмъ тысячелѣтняя борьба со степью не только не допускала возможности уничтоженія казачества, но требовала его усиленія.

На зарѣ жизни нашего государства, если не всѣмъ «русичамъ», то многимъ изъ нихъ пришлось казаковать, когда они сажались по Днѣпровской долинѣ. Собственно два великихъ народа пришли въ Европу, гдѣ они собой заложили основы почти всѣхъ государствъ: это сперва германцы, а за ними славяне. Первые, благодаря географическимъ условіямъ Западной Европы, разбиты на нѣсколько народностей, а вторые, или, скорѣе, восточная вѣтвь ихъ, заняли всю Восточную Европу, о которой французскій географъ Гимли говоритъ слѣдующее: «это восточная или плоская Европа, великая русская или сарматская равнина, заключенная между горами Уральскими, Кавказомъ и Карпатами и продолжающаяся на Западъ вдоль Балтійскаго и Сѣвернаго морей до поперечной линіи, что географы называютъ европейской діагональю, которая тянется отъ Карпатъ до возвышенностей Эмса, проходя черезъ горы Гигантовъ и Гарца». Именно это однообразіе равнины имѣло рѣшающее значеніе въ расселеніи по ней восточныхъ славянъ, которые, расселившись, не потеряли племенной связи и образовали одно большое государство. Между тѣмъ, какъ Западная Европа, раздѣленная горами, способствовала образованію многихъ государствъ. Въ этомъ отношеніи Альпы имѣли первенствующее значеніе. Тотъ же Гимли говоритъ, что поверхность Альпъ «раздѣлена между пятью современными государствами — Италіей, Франціей, Швейцаріей, Баваріей и Австріей; болѣе того, ихъ долины, гдѣ еще древніе географы насчитывали до 50 народностей, и гдѣ въ средніе вѣка зародилось множество болѣе или менѣе самостоятельныхъ обществъ, служить и по сіе время убѣжищемъ крайней обособленности». Быстрому расселенію нашихъ предковъ много способствовали рѣки, которые впослѣдствіи служили дорогами для казаковъ отъ Чернаго и Каспійскаго морей до Тихаго океана.

На очень небольшомъ пространствѣ находятся источники Волги, Днѣпра и Западной-Двины. Сѣверная Двина и Онега берутъ начало недалеко отъ источниковъ притоковъ Волги. Днѣпръ и Волга имѣли особое значеніе, первый какъ питательный нервъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями въ Кіевской Руси, а вторая въ Московской, связывая Востокъ съ Западомъ. По этимъ движущимся путямъ и распозлась Святая Русь.

Поселившись на скрещеніи трехъ великихъ путей: 1) къ востоку черезъ Кавказъ и Туркестанъ, 2) къ югу по Днѣпру и Черному морю, 3) къ западу по Дунаю, имѣя связь съ тремя тогдашними очагами развитія: Средняя Азія, Византія и южное побережье Западной Европы, Русь быстро вошла въ сношеніе съ этими народами и завела съ

ними бойкую торговлю, развѣвъ до высокой степени городскую государственность. Занимаясь, главнымъ образомъ, торговлей и промыслами и обладая «тихимъ, мирнымъ нравомъ, любя празднества, пляску, пѣніе, и будучи свободолюбивыми», славяне очень страдали отъ постоянныхъ нападеній со стороны степи, а также и съ Сѣвера и Сѣвера-Запада отъ литовскихъ и финскихъ полудикарей. Отъ этихъ частыхъ нападеній жизнь становилась трудной, а торговля почти невозможной, тѣмъ болѣе, что караваны проходили по Днѣпру въ Черное море черезъ степи, занятыя кочевниками. Въ виду этого, отдѣльные города должны были вооружаться и взять на себя охрану воднаго пути «изъ варягъ въ грекъ». Для этого, какъ тогда водилось, они, независимо другъ отъ друга, нанимали варяжскія дружины. И призваніе варяговъ, по лѣтописи, не можетъ служить исходной точкой начала русскаго государства. Ибо такого рода призванія или приглашенія на службу для внѣшней обороны, по всей вѣроятности, бывали и раньше. Во всякомъ случаѣ, это не было единственнымъ. Такія призванія продолжались до XI-го вѣка отдѣльными городами. Такъ, въ 1018 г. Великій Новгородъ нанялъ отрядъ варяговъ на службу, а чтобы достать средства на ихъ содержаніе, ввелъ особые налоги. Варяжскіе военачальники обявывались ограждать города и земли отъ внѣшнихъ враговъ, набирая дружину вполнѣдствіи и изъ мѣстныхъ жителей. За что они получали плату не деньгами, а тѣмъ, что въ данной землѣ имѣлось или производилось. Для этого они сами часто объѣзжали землю и собирали дань. Слово «дань» надо понимать, какъ платежъ. По мѣрѣ того, какъ варяжскіе военачальники русѣли, а ихъ дружины пополнялись туземцами и все болѣе и болѣе сливались съ мѣстнымъ населеніемъ, вокругъ нихъ образовалось нѣчто вродѣ правящаго класса, тѣмъ болѣе, что они завѣдывали военной государственной стражей, а по объединеніи земель и государственными войсками. Теченіемъ вещей и ходомъ образования государства, потомки этихъ начальниковъ стражи превратились въ высшихъ управителей, начальниковъ войскъ и посредниковъ въ иностранныхъ сношеніяхъ. Но властителями или владѣтельными князьями они никогда не были. Главное значеніе имѣло Вѣче. Въ мирныхъ договорахъ съ Византіей въ IX-омъ вѣкѣ. они подписывались отъ своего имени и отъ имени русскихъ земель. Въ четвертомъ поколѣніи они были уже не варяги-пришельцы, а славянскіе военные вожди. Спустя только вѣкъ всѣ пришлые варяги совершенно затерялись въ славянахъ — растворились. По своей малочисленности, они никакого вліянія не оказали ни на политику, ни на государственныя учрежденія, ни на право, ни на частную жизнь славянъ и не ввели феодализма, какъ то произошло въ Западной Европѣ въ завоеванныхъ ими странахъ.*)

*) Яркій примѣръ представляетъ Франція, гдѣ германскіе завоеватели (отъ нихъ она и нмѣ свое имѣть — отъ франковъ) образовали собой правящій классъ и держались совершенно отдѣльно отъ туземнаго населенія до XI в., замѣнивъ собою въ промежуткѣ времени отъ VI до IX в. римское помѣстное дворянство. Въ количествѣ 200 тысячъ германскіе феодалы, завладѣвъ страной въ 10 милл. населенія, въ теченіе ряда вѣковъ вели упорную борьбу съ этимъ населеніемъ. Поэтому слияніе шло очень медленно, настолько медленно, что еще въ XV в. въ Реймской области существовала нѣмецкая епархія.

Съ переселеніемъ на Сѣверо-Востокъ положеніе измѣнилось. Тамъ ужъ князья заселяли свои земли, свои вотчины. Такъ Андрей Боголюбскій хвалился, что онъ «всю Бѣлую Русь (Суздальскую) городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ». Помимо того, повліяла борьба съ Востокомъ и Западомъ. Власть постепенно сосредоточивалась въ рукахъ князя. Да и то въ трудныя минуты всегда созывались Соборы вплоть до Петра I, который ввелъ самодержавіе по западному образцу и который, кстати сказать, былъ единственнымъ настоящимъ самодержцемъ на Руси, управляя самъ лично страной и входя въ подробности жизни своего народа.

Съ образованіемъ государственности, дружины, охранявшія земли и сопровождавшія караваны, сдѣлались государственными войсками, а ихъ смѣнила по границѣ застава изъ русскихъ людей. На югѣ со стороны, степи, по рѣкамъ возводились укрѣпленія и строились небольшія крѣпости, а между рѣками протягивалась застава для прикрытія отъ набѣговъ кочевниковъ. Въ случаѣ набѣга всѣ прятались въ укрѣпленія точно такъ же, какъ то впоследствии было на Окѣ, Дону, Терекѣ, Уралѣ и Кубани. Даже въ мѣстахъ частыхъ набѣговъ приходилось строить высокой частоколь на большія разстоянія.

Въ теченіе болѣе трехъ вѣковъ велась борьба со степью: съ хазарами отъ IX-X в. в., съ печенѣгами X-XI в. в. и съ половцами XI и XII вѣковъ до татарскаго нашествія, когда Русь ушла къ сѣверо-востоку, а съ ней туда ушло и казачество.

Конечно, въ то время не существовало такого казачества, какъ мы привыкли его понимать; оно не имѣло опредѣленной формы и не было выдѣлено въ сословіе, — да его и трудно было-бы отдѣлить отъ прочаго войска и указать, гдѣ кончается войско, а гдѣ начинается казачество, разъ куряне, жившіе въ пограничной области, были «подъ трубами повити, подъ шеломами възлелѣяни, конецъ копія въскърмленіи; пути имъ вѣдомы, яруги имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами скачуть, акы сѣры вълцы въ полѣ, ищючи себѣ чти, а князю славы».

Нашъ лѣтописецъ показываетъ намъ «Откуда русская земля есть, и какъ она пошла быть». Въ примѣненіи къ нашей исторіи, именно, можно понять буквально выраженіе «пошла быть», ибо наша земля «шла быть» со II по XX вѣкъ. И только къ началу послѣдняго она достигла своихъ границъ, когда волна непрерывнаго переселенія докатилась до краевъ. Впереди шель казакъ съ оружіемъ, а за нимъ слѣдовалъ крестьянинъ съ сохой. И вмѣстѣ, шагъ за шагомъ, прошли они отъ Днѣпра и отъ границъ Московскаго княжества до Черного и Каспійскаго морей, Урала, переваливъ его, прошли всю Сибирь до Тихаго океана и, въ концѣ концовъ, очутились на Аляскѣ, которую забайкальскіе казаки присоединили во второй половинѣ XVIII-го вѣка, — и на западномъ берегу Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ вплоть до Мексики. Отъ бывшихъ тамъ русскихъ поселеній осталось названіе одной мѣстности «Русскіе холмы». И казачій историкъ Иванъ Попко справедливо говоритъ: «куда ни забредутъ русскіе люди, хотя бы «самодурью», безъ видимой государственной цѣли, туда придетъ и русское царство». А забредать русскимъ людямъ было куда, будь то къ сѣверу, востоку или югу. Первое время казачество было инымъ, о войскахъ казачьихъ не было и рѣчи. Люди уходили

отдѣльными артелями. Да и названія этого не носили, и лошадей у нихъ не было, а спускались они внизъ по рѣкамъ въ лодкахъ. Если южное казачество гораздо позднѣе достигало воднымъ путемъ Анатолійскихъ и Персидскихъ береговъ, то уже въ XI и XII вѣкахъ сѣверное (если можно такъ его назвать, ибо по существу это были тѣ же казаки) достигало Урала и береговъ Бѣлого моря. А отважные новгородцы скоро добрались до Шпицбергена и восточной Шотландіи, по берегу которой были (по англійскимъ даннымъ) ихъ поселенія, затерявшіяся со временемъ. Какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ отдѣльные артели выходили промыслять или охотиться, т. е. «казаковать», и онѣ хотѣли воли и свободы. Но на сѣверѣ казачество, какъ мы привыкли его понимать, не могло развиваться, ибо тамъ не было для этого данныхъ: не было басурмановъ, и государство быстро достигло естественныхъ границъ и закрѣпило ихъ. На югѣ и востокѣ развитіе казачества пошло естественнымъ путемъ, благодаря отсутствію опредѣленныхъ границъ и вѣковой борьбѣ со степью государства.

Когда же зародилось казачество, принявшее извѣстные намъ формы? На этотъ вопросъ вѣрнѣе будетъ отвѣтить, что оно никогда и не прекращалось съ самаго зарожденія Руси, но существовало въ маленькомъ незамѣтномъ размѣрѣ, неотмѣченное даже нашей исторіей. Иначе и не могло быть. Пока Русь собиралась воедино, пока тяготѣло надъ ней татарское иго, до тѣхъ поръ существовало центростремительное направленіе въ переселеніи, такъ какъ подъ покровомъ Москвы безопаснѣе жилось. И тѣ, «добрые молодцы», которые въ послѣдствіи назвались казаками, не могли заходить далеко въ степь. Но по сверженіи ига, Русь повела наступательное движеніе, выдвигая казачество впередъ совершенно механически. И по мѣрѣ того, какъ Русь сползала къ югу и востоку, казачество уходило далѣе и далѣе въ степь, не прерывая связи съ государствомъ. Теперь уже болѣе крупныя артели выходили на промыселъ или охоту, спускались внизъ по рѣкамъ такъ далеко, насколько у кого хватало средствъ и храбрости проникать въ степь. Многіе изъ нихъ селились далеко за предѣлами государства, внѣ досягаемости его власти. Въ началѣ селились отдѣльными артелями. Но въ ту мѣстность, гдѣ уже были поселенцы, охотиѣе приходили новые. Даже на маленькомъ укрѣпленномъ островѣ, гдѣ была Сѣчь, существовали отдѣльные курени, говорившіе объ отдѣльныхъ артеляхъ. Постоянная опасность отъ кочевниковъ и необходимость защиты принудила объединиться въ станицы, а потомъ и общины, которыя въ послѣдствіи назвались войсками. Борьба оказывалась не по силамъ, и имъ вскорости пришлось опереться на государство. Сперва помощь была только оружіемъ и съѣстными припасами. Государство рано учло пользу казачества. Но по мѣрѣ роста государства и его поступательнаго продвигенія, борьба съ кочевниками становилась общегосударственной, и помощь казакамъ стала оказываться самая дѣятельная, вплоть до усиленія войскъ людьми. И само казачество занимаетъ все большее и большее значеніе въ жизни государства, оно постепенно растягивается по всей границѣ отъ Буга до Амура и вмѣстѣ съ тѣмъ участвуетъ во всѣхъ имперскихъ войнахъ. Естественная связь его съ государствомъ растетъ и крѣпнеть. По мѣрѣ продвигенія границы, войска казачьи или уходятъ за ней или измѣняютъ свое внутреннее устройство съ ходомъ государственной жизни, воспринимая

укладъ ея и становясь частью цѣлого. Немыслимо же было въ XVIII вѣкѣ сохранить «вольницу» XVI-го вѣка, когда за хлѣбопашество казнили смертной казнью, какъ того хотѣлъ Булавинъ, или сохранить въ чистомъ видѣ Запорожскую Сѣчь, окруженную мирными хлѣбопашцами, когда граница ушла далеко впередъ, и по берегу Черного моря основались города. Рѣзкія перемѣны въ казачьей жизни, отмѣченныя бунтами Булавина и Пугачева и уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи, происходили по причинѣ запаздыванія въ сравненіи со временемъ опредѣленнаго жизненнаго уклада войскъ.

Въ связи съ общимъ ходомъ русской жизни, казачьи войска нарождались, перемѣщались и даже исчезали. Такъ исчезли войска Рязанское, Волжское, Уфимское, Камское, Самарское, Запорожское, Украинское, Слободское, Азовское уже въ 1865 г. и Дунайское, народившееся послѣ Отечественной войны и преобразованное въ 1856 г. въ Новороссійское, уничтоженное въ 1868 г. А по азіатской границѣ на протяженіи болѣе 10 тысячъ верстъ зарождались новыя для защиты русской земли по примѣру старшихъ братьевъ въ Европѣ.

Вполнѣ справедливо выраженіе, что «Русь бродячая» прокладывала дорогу Руси осѣдлой. Въ первые вѣка существованія южного казачества государство пользовалось этой бродячей Русью въ своихъ цѣляхъ, а когда то было выгодно въ дипломатическихъ сношеніяхъ, отказывалось отъ него и предоставляло его самому себѣ. Иногда на Кругу объявлялось: «бѣлый царь шлетъ вамъ поклонъ, приказалъ спросить о вашемъ здоровьѣ. Онъ учинилъ размиръ съ Турками и шлетъ насъ промышлять надъ Крымцами».

Въ 1684 г. гетманъ Сагайдачный приглашалъ донцовъ итти съ нимъ на Крымъ. Донцы отказались и грамоту его переслали въ Москву. Но гольдъба пошла за Сагайдачнымъ. Въ слѣдующемъ году Москва писала на Донъ: «вамъ казакамъ безъ нашего указа ссылаться съ польскимъ королемъ, помощь ему оказывать походомъ на Азовское море не только чинить, но даже и мыслить о томъ не годилось, потому что у насъ теперь миръ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ». А въ 1686, по заключеніи мира съ Польшей, была грамота изъ Москвы: «полномочные послы межъ нами и польскимъ королемъ учинили вѣчный миръ и отдали въ нашу сторону, вѣчно, Кіевъ съ Запорожьемъ и со всѣми прежними городами. И вы, атаманы и казаки, собравшись всѣмъ войскомъ, промышляли бы надъ непріятелемъ всѣхъ христіанъ, турками и крымцами, и корысть себѣ и вольный проходъ на море получали, сколько всемогущій Господь помощи дастъ». А на заявленіи Турціи, что казаки взяли Азовъ и грабятъ прибрежные города, Москва отвѣчала послѣ того, какъ Соборъ рѣшилъ Азова отъ казаковъ не принимать, не будучи въ состояніи воевать съ Турціей, что казаки вольные и воюютъ отъ себя, а султанъ можетъ ихъ наказать самъ; и помощи казакамъ не было оказано.

Commandant Gendron говоритъ, что «Россія дѣйствуетъ въ своихъ завоеваніяхъ путемъ поглощенія. Она не переходитъ къ новымъ завоеваніямъ, не усвоивъ окончательно прежнихъ или, скорѣе, не перваривъ ихъ. Англія, напротивъ, дѣйствуетъ путемъ господства; способъ легко примѣнимый въ странѣ съ раздѣленіемъ общественныхъ кастъ, что угрожаетъ ужасными послѣдствіями покорителю, если страна перестанетъ его бояться». Казаки шли впередъ и завоевывали,

а затѣмъ помогали усваивать эти завоеванія. Только въ Европейской Россіи казаки замирили цѣлый край Юго-Востока и дали возможность заселить его. Въ областяхъ Донской, Кубанской, Терской, Астраханской, Черноморской и Ставропольской было въ 1915 году 8.300.000 русскаго населенія. Они такъ быстро двигались, что къ концу царствованія Петра I растянулись лентой по всей южной границѣ Имперіи, отъ Днѣстра до Амура — Запорожскіе по Днѣпру, Малороссійскіе и Слободскіе до Донца, Донскіе, Гребенскіе и Терскіе, Яицкіе и Сибирскіе. Далеко въ степь была выдвинута застава богатырская, состоявшая изъ укрѣпленной линіи отъ городка къ городку: между ними были укрѣпленія, а между укрѣпленіями пикеты, между которыхъ ѣздили разъѣзды. Была живая ограда. Днемъ и ночью неустанно слѣдило казачество за степью на вышкахъ, курганахъ и деревьяхъ и было всегда готово первымъ принять ударъ и отстаивать своей грудью Святую Русь, крѣпко помня завѣтъ отцовъ, передававшійся изъ поколѣнія въ поколѣніе, — охранять Русскую Землю и Православіе. Охрана была вполне надежная. Что дало поводъ госуд. Александру II писать въ 1861 году Главнокомандующему Кавказскими войсками... «казачье сословіе предназначено въ государственномъ быту для того, чтобы оберегать границы Имперіи, прилегающія къ враждебнымъ и неблагоустроеннымъ племенамъ». Но, какъ увидимъ ниже, дѣятельность казачества не ограничивалась этимъ однимъ.

Какъ же жилось казакамъ по границѣ? Для яснаго представленія возьмемъ картинки XVII, XVIII, XIX вѣковъ на Дону, Кубани и Терекѣ.

Прошелъ слухъ о набѣгѣ. По верховымъ и низовымъ городкамъ была разслана «опасная» грамота, «чтобы всѣ казаки держали ружья въ чистотѣ, кормили лошадей и были въ готовности въ одинъ часъ выступить въ походъ, чтобы крѣпили городки, не выходили и не выѣзжали въ поле безъ оружія. Въ каждомъ городкѣ прочитывали на сборѣ грамоту и, снявши копію, посылали дальше безъ задержанія. Еще не успѣла «опасная грамота» обойти всѣ городки, какъ казачій разъѣздъ, посланный въ Кубанскую сторону, напалъ на татарскія сакмы (слѣды). Населеніе было въ ту пору на лѣтнихъ работахъ. Старики, схвативши знамена, выѣхали съ ними сзывать народъ въ осаду. Завидя знамена, старъ и младъ, жены и малыя ребята спѣшили въ городки, сносили свое имущество въ церковныя ограды, подъ защиту пушекъ. Въ тѣхъ же городкахъ, гдѣ не было крѣпкой ограды, добро зарывалось въ землю. То былъ всеобщій «сподохъ». На греблѣ, возлѣ рѣчки Сала загорѣлся сперва одинъ маякъ, затѣмъ второй, третій, а черезъ нѣсколько мгновеній запылала вся Кубанская сторона. Чего давно ужъ не бывало. Поджидая непріятеля, войсковою атаманъ стоялъ у Черкаска. Татары же внезапно появились у станицы Кумшатской, переплыли Донъ, выжгли городокъ и разсыпались по сосѣднимъ станицамъ, брали въ плѣнъ людей, отгоняли скоть, хватали добычу, послѣ чего, такимъ же порядкомъ, переплывши Донъ, скрылись въ свою сторону (Абаза: «Казаки»). За этотъ набѣгъ казаки отомстили. Въ 1637 году пошли за Кубань въ составѣ 9½ тысячъ конницы и 1½ т. пѣхоты при одной пушкѣ. По выжженнымъ степямъ походъ былъ настолько труденъ, что только 5 тысячъ конницы достигло Кубани. Тамъ они настигли татаръ, разгромили тысячу